

ФЕНОМЕН ГЕНДЕРНОГО ДИСБАЛАНСА НА ТЕРРИТОРИИ КУБАНИ К КОНЦУ 1920-Х - НАЧАЛУ 1930-Х ГОДОВ

Высоцкая Екатерина Владимировна

студент, Армавирский государственный педагогический университет, РФ, г. Армавир

Малахова Анастасия Сергеевна

научный руководитель, канд. ист. наук, доцент, Армавирский государственный педагогический университет, РФ, г. Армавир

Каждое событие имеет свои закономерные последствия. И первые десятилетия XX века доказали достоверность этого факта, став воплощением ужаса и трагедии для подрастающего поколения. Первая мировая война и Гражданская война в России стали первой волной демографической катастрофы в России [7, с. 399 – 406] – грандиозного сокращения численности населения, преимущественно речь идет о мужском населении, как главной категории военнослужащих и земледельцев. Данный факт, в свою очередь, оказался решающим в вопросе гендерного дисбаланса – количество женщин в значительной мере превышало количество мужчин [17, с. 87]. Стоит отметить, что подавляющее большинство населения являлось сельскими жителями, и яркая гендерная диспропорция проявлялась в большей степени в деревнях. Статистические данные Кубанского округа указывают на тот факт, что если в городе на данный момент проживало 210 тыс. жителей, то в сельской местности – 1 млн 278 тыс. [3, с. 2 – 17].

Согласно переписи населения 1926 года РСФСР располагала не более 39 млн мужчин и около 43 млн женщин [3, с. 2]. Очевидным следствием войн и последующего кризиса, в котором оказалась Россия, а также жестокости вооруженных сопротивлений на Кубани, в частности, стало огромное количество жертв и, соответственно, кардинальные сдвиги в демографических показателях региона. Возвращаясь к данным Всесоюзной переписи 1926 года, стоит обратить внимание на данные по Кубанскому округу, где мужчин насчитывалось 609 тыс. человек, а женщин – 669 тыс. Причем на 1000 мужчин приходилось в среднем 1099 женщин [3, с. 3]. Если взять на рассмотрение более узкую область изучения, например, Армавирский округ, то на этой территории на 1000 мужчин уже приходится 1210 женщин [3, с. 3]. Таким образом, становится очевидным явный дисбаланс в гендерной структуре сельской местности, особенно заметен этот дисбаланс на Юге России, где большинство семейств занималось преимущественно аграрным производством. Здесь социальные роли женщин стали приобретать новый смысл – теперь помимо своих традиционных обязанностей женщины вынуждены были самостоятельно вести сельское хозяйство с выполнением и части «мужской» работы.

Человеческая натура всегда пребывала на грани доброты и аморальности, времена были сложными, голодными, безнравственными. Экономически не подготовленные женщины-вдовы, оказавшись перед жизненной неопределенностью, стали ко всему прочему целью неодобрения и нападок со стороны односельчан, чье внимание привлекало «бесхозное», по их мнению, имущество. Местные власти не желали вмешиваться в дела крестьян, были «невнимательны к нуждам беднячек» [6, с. 57], что очень часто прослеживалось в докладных записках произвольного типа. Повсеместно женщины приходили к выводу о необходимости объединения или вступления в уже существующие коллективные хозяйства. В целом, документы разнятся статистическими данными по поводу количества «специальных женских колхозов» с отчетами различных окружных или районных органов власти. Так, по некоторым данным руководства Кубанского округа было насчитано около 18 колхозов, к началу 1929 года

их было уже 13, а в общей сложности по краю около 85 [1, с. 28]. Такие явные противоречия довольно объяснимы в силу все той же бюрократии, которая с течением десятков лет не теряет своей актуальности – многие колхозы вследствие «особого» женского статуса просто не были юридически оформлены, тем более что в большинстве своем они представляли собой ТОЗы – товарищества по совместной обработке земли. Поэтому районные власти учитывали, скорее, фактическое число существовавших объединений на своей территории, нежели их официальную регистрацию в вышестоящих органах. Форма объединения – ТОЗы – также повлияла на путаницу в статистике, ибо, представляя собой более-менее свободное объединение с легкой процедурой вступления, минимальными затратами на управленческий аппарат и малочисленностью членства, они были достаточно распространены на протяжении всей второй половины 1920-х гг., соответственно, могли также не быть официально зарегистрированы [12, с. 870]. Данные на июнь 1929 год указывают на 60% распространения ТОЗов на всей территории СССР от общего количества объединенных хозяйств [12, с. 873].

Данная ситуация представляет собой необратимый процесс формирования нового типа женщины. Что представляет из себя эта трансформация? И чем была обоснована позиция государственного аппарата к поощрению этого процесса? Вопросов весьма много, а ответы в достаточной мере неоднозначны в силу двусмысленности позиции большевиков к женскому населению. Придя к власти, дискуссии по поводу «женского вопроса» были интерпретированы большевистской партией в новом ключе. С одной стороны, для них, как для строителей социалистического общества, женщины представляли собой потенциальных матерей и оплот будущего, с другой же – в силу своей «политической отсталости и темноты» [8, с. 305] представляли для партии угрозу, которая нуждалась в скорейшем идеологическом, политическом воздействии. Некоторые материалы, касающиеся тех же ТОЗов, о которых уже велась речь, можно использовать как доказательство активного внедрения политически подготовленных активисток, которые совместно с органами власти старались привлечь как можно большее количество крестьянок к колхозной системе.

Таким образом, женщины оказались не только в непрестом экономическом положении, но и под бдительным контролем новой власти, видевшей в них антисоветский потенциал в силу своей отсталости и в образовании, и в пережитках традиционной семьи как главного столпа частной сферы жизни. На них была направлена вся большевистская пропаганда и агитация в надежде избавить «женский пролетариат от темного прошлого, бесправия и социального порабощения перед лицом наступающей мировой революции» [9, с. 7].

Как уже говорилось, женщина представляла опасность в роли оплота традиционной семьи. Соответственно, меры, предпринимаемые государством, в большинстве своем были направлены на трансформацию семейно-бытовых условий с последующим влиянием на менталитет и сознание. Однако следует обратить внимание, что, несмотря на широко развернутую кампанию по решению «женского вопроса», 1920-е годы все еще сохраняли свои традиционные устои и патриархальные порядки с преобладающими религиозными практиками.

Чем же объяснялась такая устойчивость отмирающей системы? Возможно, ответ заключался не столько в «темноте» сельских женщин, сколько в их неповторимой сущности, в их характерах и уникальном мировоззрении. Как писал Валентин Распутин в своей статье «Ищите женщину» («Cherchez la femme»): «Охранительность – вот сущность женщины. Она ведет семью, ее роль всегда признается значительной» [14, с. 169]. В жестких рамках меняющейся системы женщины все еще оставались самими собой, поэтому и адаптировались к новым условиям существования по-своему. Со стороны большевиков казалось, что агитации и пропаганда делают свое дело, все более приобщая женщин к современным реалиям, тем самым заполучая наиболее широкий и гибкий в идеологическом плане слой населения на свою сторону. Если же мы постараемся взглянуть на ситуации под углом зрения самих женщин, то представившаяся картина вернет нас все к той же характеристике крестьянок – охранительности. Оставшись одна, женщина все еще старалась спасти то небольшое, что оставалось в ее ведении – дом, детей, небольшое хозяйство. ТОЗы, колхозы – это были лишь средства (во всяком случае, если мы говорим о 1920-х годах) на пути поставленных целей, которые женщины успешно использовали.

Однако успех сопровождался затратами огромных физических и моральных сил на

протяжении всего «тревожного периода» [7, с. 170], как его называет В. Жиромская, когда количество мужчин неистово сокращалось, а земледелие было еще не на том техническом уровне, чтобы отказаться от ручного труда. Поэтому в этих условиях начал развиваться так называемый процесс «феминизации» как общества в целом, так и деревни в частности. На примере Кубанских территорий можно рассмотреть ряд причин и факторов, ставших отправной точкой для данного процесса.

Для начала следует рассмотреть такое явление, как «раскулачивание». Решение о недопущении «кулаков, лишенных права выбирать в советы» [13, с. 690], в коллективные хозяйства было принято 21 октября 1930 года ЦИК и СНК СССР. Северо-Кавказский край опередил данное постановление, издав указ еще в декабре 1929 года [10, с. 59]. Казалось бы, рассматривая процесс гендерного дисбаланса, почему бы не учесть фактор такого масштабного процесса, когда была выделена целая группа населения, причем на первых этапах, весьма размытая, для дальнейшего отделения от советского общества, от колхозного строительства с изъятием имущества и, самое главное, выселением за пределы определенных территорий? Это было бы довольно уместно, если бы учитывался процент лишь выселяемых мужчин, но, согласно докладом краевого руководства, преимущественно необходимым считалось «переселение целыми семьями» [15, с. 34]. Были отдельные случаи, когда было возможно, будучи «кулаком», добиться зачисления в колхозы, тем самым увеличив удельный вес женщин-колхозниц, но это было крайне редко и рассматривать это в качестве фактора, влияющего на маятник демографии, не стоит.

Однако процесс «раскулачивания» оставил довольно яркий след в «женском вопросе» вследствие такого феномена периода коллективизации, как крестьянские восстания 1930 года – «бабьи бунты» [2, с. 142]. Логично предположить, принимая во внимание тот факт, что в земледельческих районах Юга России коллективизация проводилась ускоренными темпами, нередко путем жестокого давления на население, что волнения среди крестьян должны были прийти к так называемой «точке кипения». Любопытен как раз таки преимущественно женский процент участников. Это было своего рода следующим шагом в процессе эмансипации, когда женщины отчаянно стали добиваться исполнения своих требований на основе уже имеющихся прав, которые в первые годы своей власти большевики узаконили. 1930-е годы по праву принято считать «периодом великого отступления» [8, с. 311], когда политические взгляды вновь обратились на сторону защиты советской семьи и женщины, в частности. Процесс раскрепощения крестьянок сопровождался всеобщим поощрением отстаивания прав и независимости от тиранов-мужей или отцов, а также равноправия с мужчинами в рабочей среде. Государство одобряло данное поведение, считая женщин существами бесправными, а, соответственно, не опасными и готовыми к сотрудничеству. Такая политика была чревата последствиями и в крайних случаях (например, выступления и бунты) оборачивалась против правящих кругов. За весь 1930-й год, насыщенный массовыми выступлениями, по всему СССР было насчитано около 3,7 % преимущественно женских бунтов [5, с. 802].

Рассмотренные факторы широкого распространения «феминизации» кубанских деревень сыграли свою роль в демографическом дисбалансе, но не настолько, чтобы кардинально изменить всю картину. Исследователи отмечают еще один фактор, который в большей степени стал камнем преткновения в вопросе демографии. Речь идет о таком явлении, как «отходничество». Политика индустриализации очень сильно сказалась на оттоке мужчин из коллективных хозяйств, когда трудовые ресурсы для заводов черпались преимущественно в деревнях. Следует понимать, что на заработки уходили, в основном, мужчины (в отличие от «раскулаченных»), что лишь подтверждает важность этого фактора на гендерные диспропорции. Масштабы отходничества были весьма значимы на Кубани. Согласно статистике, с 1932 по 1933 гг. колхозы Северо-Кавказского края покинуло примерно 183,5 тыс. человек, 11,2% которых являлись трудоспособной частью населения. Любопытно, что это лишь малая часть зафиксированных «отходников», феномен неорганизованного отходничества был намного масштабнее – согласно данным за 1931 год, на Кубани безотчетно покинуло деревни в 3-4 раза больше сельчан, чем было зарегистрировано официально [4, с. 35]. Совместно с политическими репрессиями, голодом, количеством раскулаченных отходничество стало одним из ведущих факторов, непосредственно влияющих на постепенное сокращение численности мужского населения колхозов, что, в свою очередь, стало причиной увеличения роли женщин в общественно-значимой деятельности, в частности, это касалось ее

удельного веса в процессе колхозного строительства. К концу 1930 года, по мнению Р.Т. Маннинга, процент участия женщин в колхозном строительстве достиг небывалых цифр – 59,5 % [11, с. 91].

Таким образом, подводя итог размышлениям по поводу феномена гендерного дисбаланса на Кубани в период с конца 1920-х и до середины 1930-х гг., стоит отметить, что все вышеназванные факторы сыграли свою роль не только в процессе постепенного сокращения численности мужского населения в колхозных хозяйствах, но и также положили начало для дальнейшей борьбы сельских женщин за свои права, свободы, за место среди рабочих активистов. Была утверждена особая идеология, в ходе которой на протяжении многих лет женщины должны были адаптироваться к меняющимся условиям, доказывать свою «полезность», отступая от привычных традиционных ментальных установок и обязанностей на пути к светлому будущему общества всеобщего равенства.

Список литературы:

1. Абрамова П.Ф. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Москва, 1976. – 29 с.
2. Бондарев В.А. «Бабы бунты» на юге России в 1930-х гг.: к вопросу о гендерной специфике крестьянского протеста против сплошной коллективизации // Научные школы. – Новочеркасск, 2010. – № 3. – С. 142 – 146.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года / Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. [М] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php (дата обращения: 26.03.2021)
4. Гадицкая М.А., Скорик А.П. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет. – Ростов-на-Дону, 2009. – 320 с.
5. Галиченко А. Роль управления в планировании колхозного производства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. – 1932. – № 5. – С. 35 – 41.
6. Данилов В.П., Маннинг Р. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 // Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – М., 2000. – 802 с.
7. Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
8. Докладная записка Донецкого окружкома ВКП(б) Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) об итогах работы районных посевных совещаний. 24 марта 1928 г. / Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). - Ростов н/Д: Северный Кавказ, - 1929. – 570 с.
9. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. // Отечественная история. 2001. – №1. – С. 185-186
10. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 3 – С. 299-321
11. Коллонтай А. Предисловие. Резолюции Первого Всероссийского совещания работниц. – М.: Гос. издательство, 1920. – 23 с.
12. Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации. – СПб: Нестор, 2000. – 159 с.
13. Маннинг Р.Т. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны // Отечественная история. – 2001. – № 5. – С. 91 – 98.

14. Милютин В.П., Вильямс В.Р. Сельскохозяйственная энциклопедия. Т. 4. - М.-Л.: «Сельхозгиз», 1937-40. - 1140 с.
15. Постановление СНК СССР «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию» от 21 октября 1930 г. // Трагедия советской деревни. Т. 2. - М.: РОССПЭН. - 2000 - 690 с.
16. Распутин В. «Ищите женщину» («Cherchez la femme») // Наш современник. - 1990. - № 3. - С. 169 - 170.
17. Харькова Т.Л. Демографический баланс России: 1927 - 1959 гг. // Мир России. - 1999. - № 4. - С. 81 - 91.
18. Шифротелеграмма секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреева И.В. Сталину о согласовании практических вопросов «переселения кулаков за пределы края». 16 января 1930 г. // Политбюро и крестьянство: высылка, спец поселение. - М.: РОССПЭН, - 2005. - С. 34 - 38.